

Оглавление

Оглавление.....	1
Введение	2
Типы и отдельные случаи перевода с трансформацией языка оригинала.....	5
Лексико-стилистические трансформации при переводе	8
Подуровни трансформаций.....	14
Заключение	26
Литература.....	28

Введение

Как показывает анализ основных аспектов переводческой деятельности, задач и методов переводческих исследований, теоретическое переводоведение представляет собой лингвистическую дисциплину, изучающую наиболее общи закономерности этого вида речевой деятельности. В соответствии с главными направлениями лингвопереводческих исследований в теоретическом переводоведении можно выделить четыре крупных раздела.

Прежде всего — это область общей теории перевода; занимающаяся разработкой теоретических моделей теории перевода, дающих наиболее общее объяснение механизма переводческой деятельности. Создание, проверка и совершенствование таких моделей — важный этап в развитии любой науки, позволяющий глубже постичь сущность изучаемых процессов. Общая теория перевода должна дать основу для непротиворечивого описания всех сторон переводческой деятельности.

Второй раздел теоретического переводоведения составляет учение о переводческой эквивалентности. На основе общей теории (или теорий) перевода всесторонне исследуется сущность и типы эквивалентности при переводе, детально анализируется система смысловых отношений между единицами оригинала и перевода, разрабатываются способы описания смысловой структуры текста, дающие возможность сопоставлять содержание текстов оригинала и перевода.

Третий и четвертый разделы переводоведения занимаются, соответственно, исследованиями переводческого акта, т. е. самого процесса создания (порождения) текста перевода, и изучением системы соответствий между единицами двух языков, выявляемой при осуществлении переводческой деятельности.

Главная цель перевода — достижение адекватности. Основная задача переводчика при достижении адекватности — умело произвести различные переводческие трансформации для того, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию, заключённую в тексте оригинала

при соблюдении соответствующих норм переводящего языка.

Преобразования с помощью которых осуществляется переход от единиц оригинала к единицам перевода, называются переводческими трансформациями. Однако термин «преобразование» нельзя понимать буквально: сам исходный текст «не преобразуется» в том смысле, что он не изменяется сам по себе. Этот текст, конечно, сам остается неизменным, но на ряду с ним и на основе его создается другой текст на ином языке.

Переводческие трансформации представляют собой особый вид перефразирования- межъязыковое, которое имеет существенные отличия от трансформаций в рамках одного языка. «Когда мы говорим об одноязычных трансформациях, то мы имеем в виду фразы, которые отличаются друг от друга по грамматической структуре, лексическому наполнению, имеют (практически) одно и то же содержание и способны выполнять в данном контексте одну и ту же коммуникативную функцию. Сравнивая исходный и переводящий тексты, мы произвольно отмечаем, что некоторые отрезки исходного текста переведены «слово в слово», а некоторые- со значительными отклонениями от буквальных соответствий. Особенно обращают на себя те места, где переводящий текст по своим языковым средствам совершенно не похож на исходный. Следовательно, в нашем языковом сознании существуют некоторые межъязыковые соответствия, отклонения от которых мы и воспринимаем как межъязыковые трансформации.

И всё же, что такое «перевод» в свете уже имеющихся достижений общей теории перевода?

«Если мы хотим дать определение перевода как результата переводческой деятельности в наиболее общем и кратком виде, то его можно было бы сформулировать следующим образом: **перевод есть аналог оригинала**. Идеальный перевод есть идеальный аналог оригинала, созданный в новой общественной, культурной и языковой реальности... Если же мы хотим дать по возможности более полное и относительно точное общее теоретическое определение перевода как процесса, то нужно сказать, что

перевод- это специфическая устная или письменная деятельность, направленная на пересоздание существующего на одном языке устного или письменного текста (произведения) на другом языке при сохранении инвариантности содержания и качества оригинала.» Чтобы изучить и познать законы перевода как специфической деятельности, возникшей в процессе исторического развития и исторической практики общества и человека, чтобы открыть новые пути и возможности её совершенствования, необходимо исследовать все разновидности перевода. Необходимо исследовать всю систему появившихся на практике видов переводческой деятельности, исследовать её такой, какая она есть в действительности, во всём её многообразии и взаимодействии с другими видами человеческой деятельности. Только таким путём можно постичь суть той деятельности, которая входит в понятие«перевод».

Типы и отдельные случаи перевода с трансформацией языка оригинала.

Главная цель перевода- достижение адекватности. Основная задача переводчика при достижении адекватности- умело произвести различные переводческие трансформации для того, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию, заключённую в тексте оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка.

Преобразования с помощью которых осуществляется переход от единиц оригинала к единицам перевода, называются переводческими трансформациями. Однако термин «преобразование» нельзя понимать буквально: сам исходный текст «не преобразуется» в том смысле, что он не изменяется сам по себе. Этот текст, конечно, сам остается неизменным, но на ряду с ним и на основе его создается другой текст на ином языке.

Переводческие трансформации представляют собой особый вид перефразирования- межъязыковое, которое имеет существенные отличия от трансформаций в рамках одного языка. «Когда мы говорим об одноязычных трансформациях, то мы имеем в виду фразы, которые отличаются друг от друга по грамматической структуре, лексическому наполнению, имеют (практически) одно и то же содержание и способны выполнять в данном контексте одну и ту же коммуникативную функцию. Сравнивая исходный и переводящий тексты, мы произвольно отмечаем, что некоторые отрезки исходного текста переведены «слово в слово», а некоторые- со значительными отклонениями от буквальных соответствий. Особенно обращают на себя те места, где переводящий текст по своим языковым средствам совершенно не похож на исходный. Следовательно, в нашем языковом сознании существуют некоторые межъязыковые соответствия, отклонения от которых мы и воспринимаем как межъязыковые трансформации. В зависимости от характера единиц языка оригинала, которые рассматриваются как исходные операции, переводческие трансформации подразделяются на **стилистические трансформации**- суть

которых заключается в изменении стилистической окраски переводимой единицы.(13:180) (When I could stand it no longer I raised myself upon my knees, still keeping hold with my hands, and thus got my head clear.- Когда я почувствовал, что **силы изменяют мне**,я приподнялся на колени, не выпуская кольца из рук, и голова моя оказалась над водой.

Морфологические трансформации– замена одной части речи другой или несколькими частями речи. (With how vast a triumph- with how vivid a delight- with how much at all that is ethereal in hope did I feel, as **she** bent over me in studies but little sought- but less known,- that delicious vista by slow degrees expanding before me...- С каким бесконечным торжеством, с каким ликующим восторгом, с какой высокой надеждой распознавал я, когда **Лигейя** склонялась надо мной во время моих занятий (без просьбы, почти незаметно), ту восхитительную перспективу, которая медленно разворачивалась передо мной.

Синтаксические трансформации – суть которых заключается в изменении синтаксических функций слов и словосочетаний. Изменение синтаксических функций в процессе перевода сопровождается перестройкой синтаксической конструкции: преобразования одного типа придаточного предложения в другой. К синтаксическим трансформациям относится также замена английской пассивной конструкции русской активной. (He hath been by the Tarantula). Тарантул укусил его ...

Семантические трансформации - осуществляются на основе разнообразных причинно-следственных связей, существующих между элементами описываемых ситуаций (He was the kind of guy that hates to answer you right away.- Такие, как он , сразу не отвечают.

Лексические трансформации- представляющие собой отклонения от прямых словарных соответствий. Лексические трансформации вызываются главным образом , тем , что объём значений лексических единиц исходного и переводящего языков не совпадает (She wasn't looking too happy.) – Вид у нее был довольно несчастный .

Грамматические трансформации- заключаются в преобразовании структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами языка перевода. We got under way with a mere breath of wind, and for many days stood along the eastern coast of Java, without any other incident to beguile the monotony of our course than the occasional meeting with some of the small grabs of the Archipelago to which we were bound .- Мы покинули порт при еле заметном ветерке и в течение долгих дней шли вдоль восточного берега Явы. Однообразие нашего плавания лишь изредка нарушалась встречей с небольшими каботажными судами с тех островов, куда мы держали свой путь.

В процессе переводческой деятельности трансформации чаще всего бывают смешанного типа. Как правило, разного рода трансформации осуществляются одновременно, то есть сочетаются друг с другом – перестановка сопровождается заменой, грамматическое преобразование сопровождается лексическим. В предыдущем примере мы видим сочетание грамматического преобразования,(а именно объединение предложений) и лексического (опущения – Archipelago.) Именно такой сложный, комплексный характер переводческих трансформаций и делает перевод столь сложным и трудным делом.

Приведённые переводческие трансформации представляют собой контекстуально- синонимические замены лексем. Приведённые примеры межъязыковых преобразований различного типа с достаточной очевидностью показывают, что переводческие трансформации во многих случаях ведут к определенным модификациям содержания.

Морфологические трансформации практически ничего в плане содержания не меняют. Синтаксические преобразования затрагивают исходное содержание минимальной степени.

Семантические трансформации связаны с более глубокими модификациями в плане содержания. Сравнивая между собой языки, мы обнаруживаем в каждом такие явления из них, которые не имеют соответствия в другом. Переводческие трансформации- суть процесса

перевода.

Лексико-стилистические трансформации при переводе

Одним из наиболее интересных аспектов теории перевода является проблема передачи стилистических приемов на принимающем языке (ПЯ). Данная проблема привлекает внимание ученых-лингвистов, но является недостаточно разработанной. Важность изучения перевода образных средств обусловлена необходимостью адекватной передачи образной информации художественного произведения на ПЯ, воссоздания стилистического эффекта оригинала в переводе.

Перевод стилистических приемов (СП), несущих образный заряд произведения, часто вызывает затруднения у переводчиков из-за национальных особенностей стилистических систем разных языков. Все лингвисты подчеркивают необходимость сохранения образа оригинала в переводе, справедливо считая, что, прежде всего переводчик должен стремиться воспроизвести функцию приема, а не сам прием.

В данной статье внимание будет посвящено тропам метафорической группы: метафоре, сравнению, эпитету, олицетворению (в соответствии с классификацией Кузнец М. Д. и Скребнева Ю. М., рассматривающих эти СП в составе метафорической группы [Кузнец, Скребнев 1960]).

Для перевода образного средства необходимо определить его информационное содержание, его семантическую структуру. В теории перевода важную роль играет сравнительное определение объема образной информации подлинника и перевода. Анализ образной информации следует проводить на уровне языка, определяя и сравнивая постоянно закрепленные за словом объем и содержание образной информации.

В образном средстве имеет место акт оценки, номинации, а также эстетической информации. “Новое” значение, приобретаемое образным средством в контексте, является элементом его семантической структуры.

Данному элементу (структуры СП) в этом же языке обычно соответствует слово или выражение в прямом значении, которое используется при истолковании образа. В случае, когда не найдена компенсация образа/тропа и невозможна его передача, передается только понятийное содержание образа.

Вслед за Складчиковой Н. В., мы выделяем четыре параметра адекватности перевода образных средств в плане содержания [Складчикова 1985]:

1. параметр адекватности передачи семантической информации образом ПЯ;
2. параметр адекватности передачи эмоционально-оценочной информации образом;
3. параметр адекватности передачи экспрессивной информации;
4. параметр адекватности передачи эстетической информации.

Если семантическая основа образа подлинника передана точно, то результатом явится адекватный языковой образ на ПЯ и его адекватное смысловое содержание, осуществляющее номинативную функцию образа. Это можно проиллюстрировать теми случаями в переводе, когда из-за невозможности сохранить метафорический образ, используется только смысловое его содержание с целью выполнения хотя бы номинативной функции:

“... he was extravagantly ambitious” (С. 101)

“... он был до крайности честолюбив” (С. 78)

В данном случае переводчик прибегает к замене метафорического эпитета “extravagantly” выражением “до крайности”, не несущим образности.

Переводчик отталкивается от семантики слов в метафорическом сочетании подлинника и идет через сопоставление лексических значений слов ИЯ и ПЯ. Анализ перевода слов и свободных словосочетаний с метафорическим содержанием показывает, что во многих случаях языковые образы метафорических словосочетаний ИЯ переданы на эквивалентной семантической основе, равны по номинативной функции:

“my own house was an eyesore” (С. 4)– “мой домик был тут бельмом на глазу” (С. 3); “among the broken fragments of the last five minutes” (С. 6) – “среди осколков последних пяти минут” (С. 5).

Ассоциации, вызываемые нормативным значением слова при необычной его сочетаемости, Ш. Балли называет “ассоциативным полем”. Перевод можно считать равноценным, если слово на ПЯ обладает тем же ассоциативным полем, что и слово на ИЯ, так как это вызывает у читателя перевода ту же активность мысли и воображения, что и у читателя подлинника.

При реализации сложных метафор необходимо развертывание двух ассоциативных планов:

- плана, основанного на прямом значении, и
- плана, основанного на взаимодействии прямого и контекстуального значений, т.е. плана развертывания образно-переносного смысла.

“The very phrases were worn so threadbare that they evoked no image except that of a turbaned “character” leaking sawdust at every pore as he pursued a tiger through the Bois de Boulogne” (С. 68).

“Весь этот обветшалый лексикон вызывал у меня представление не о живом человеке, а о тряпичной кукле в тюрбане, которая в Булонском лесу охотится на тигров, усеивая землю опилками, сыплющимися из прорех” (С. 53).

Несоблюдение четкого параллельного сосуществования этих двух планов может привести к переводческим нарушениям, когда семантика слов в каком-либо звене цепи метафор указывает не на признаки понятий, а на сами понятия. В данном звене происходит разрыв метафорического содержания, так как вклиниваются логические взаимосвязи. Прямое значение воспринимается раньше метафорического, и метафора разрушается.

С необходимостью реализации в переводе параллельных ассоциативных планов в развернутой метафоре связано положение стилистики о том, что “слова, используемые в тропах, ... должны сочетаться друг с другом и в своем прямом значении” [Гальперин 1981]. Это положение преломляется в теории перевода стилистических средств и получает название “закон сохранения метафоры”.

Рассматривая проблему передачи образом перевода экспрессивной информации, нужно отметить, что какая-то доля переносного употребления слов в английском и русском языках совпадает по силе экспрессии. Например, одинаковое количество экспрессивной информации наблюдается у общестилистических метафор подлинника и перевода, которые являются словарными соответствиями. Сила экспрессии не зависит от вида лексической трансформации, примененной для сохранения семантической основы образного средства.

Тождественность семантической основы и тем самым абсолютное тождество номинативной функции метафор подлинника и перевода не всегда сопровождается адекватной передачей экспрессивной функции. Несовпадение объема экспрессивной информации на тождественной семантической основе возникает из-за различий в степени экспрессии в двух языках переносных значений языковых эквивалентов. В таком случае при видоизменении одной из информаций можно говорить об ослабленных или усиленных речевых вариантах: в них тождественны номинативная, эмоционально-оценочная и эстетическая функции при изменении экспрессивной информации образа.

Так, в переводе романа Ф. С. Фицджералда “Великий Гэтсби”, фраза с эпитетом “dimmed a little by many paintless days under sun and rain” (С. 27) передана переводчиком Калашниковой Е. как “давно уже не подновлялась” (С. 21), где теряется метафорический эпитет “paintless”. Представляется более удачным перевести эту фразу таким образом: “...хотя за много бесцветных дней краска потускнела от солнца и дождя...” В предложенном нами варианте сохраняется семантическая информация эпитета ИЯ.

В переводах наблюдается ослабление метафорической образности и сопутствующей ей экспрессивной информации как при передаче индивидуально-стилистических образов общестилистическими, так и общестилистических – лексическими, как эквивалентами, так и вариантами на основе трансформаций. Сила экспрессии при этом снижается.

Например, в варианте перевода “savors of anticlimax” (С. 10) - “кажется спадом” (С. 9) наблюдается снижение экспрессивной силы, утрата образности. При передаче индивидуально-стилистической метафоры “savor” глаголом с нейтральной оценкой “казаться” теряется сема “запах”, “вкус” подлинника. Нам представляется возможным предложить следующий вариант перевода данного образа: “отдает упадком”, где сохраняется сема “запах”.

Исходя из определения эстетической информации, необходимо выявить назначение исследуемых языковых средств при их функционировании. Образные языковые средства в составе произведения взаимодействуют друг с другом и подчинены авторскому замыслу.

Семантическая основа метафоры подлинника в большинстве случаев соотносится с семантической основой метафор перевода в соответствии с определенными логико-семантическими принципами. Среди лексических трансформаций выделяются дифференциация и конкретизация; генерализация значений; смысловое (или логическое) развитие; целостное преобразование; компенсация.

Наиболее сложным и трудно поддающимся описанию из всех приемов перевода, несомненно, является прием компенсации. В любом языке есть элементы, не поддающиеся отдельной передаче средствами другого языка, поэтому очевидна необходимость компенсировать эту потерю при переводе. Речь идет о потерях и смыслового и стилистического порядка. Прием компенсации заключается в передаче смыслового значения или стилистического оттенка не там, где он выражен в оригинале, или не теми средствами, какими он выражен в оригинале. Если переводчик вынужден жертвовать или стилистической окраской, или экспрессивным зарядом слова при переводе, то, конечно, он должен в первую очередь сохранить экспрессивное значение слова или словосочетания, а в случае невозможности найти такое соответствие, возместить эту потерю приемом компенсации.

Необходимо отметить, что сравнения и олицетворения ПЯ, благодаря своей семантической структуре, практически всегда являются результатом калькирования и, следовательно, абсолютными речевыми вариантами:

“The lawn started at the beach and ran toward the front door for a quarter of a mile, jumping over sundials and brick walks and burning gardens – finally when it reached the house drifting up the side in bright vines as though from the momentum of its run” (С. 10-11)

“Зеленый газон начинался почти у самой воды, добрую четверть мили бежал к дому между клумб и дорожек, усыпанных кирпичной крошкой, и, наконец, перепрыгнув через солнечные часы, словно бы с разбегу взлетал по стене вьющимися виноградными лозами” (С. 8).

Компенсация потери метафорической информации сопровождается компенсированием потери семантической, эмоционально-оценочной, экспрессивной и эстетической информации. Компенсация может быть контактной, а именно: в предложении, в развернутой метафоре, в сверхфразовом единстве, в структуре производного образа, образа-персонажа. Можно отметить также существование дистантной компенсации единичных

микрообразов, когда образы в русском переводе появляются там, где нет языкового образа подлинника, тем самым компенсируя, например, уже имевшую место потерю образной метафорической информации в канве речевого произведения как целого.

Итак, основным по отношению к приемам метафорической группы является закон сохранения метафоры, что обусловлено значимостью образности в структуре художественного произведения.

В связи с национальными особенностями стилистических систем разных языков потери отдельных тропов (и, вместе с тем, ослабление метафорической образности) неизбежны. Основной задачей переводчика является воспроизведение не самого приема, а его функции, эффекта, производимого данным приемом на ИЯ. Для этого используется такой творческий способ перевода как трансформация.

Анализ трансформаций СП в переводе показывает, что в большинстве случаев СП метафорической группы сохраняются в переводе. При этом часто переводчик использует приемы смыслового развития и целостного преобразования как наиболее творческие из всех видов трансформаций, что позволяет сохранить функцию образа ИЯ в переводе. В тех случаях, когда невозможно сохранить троп ИЯ из-за валентностных особенностей русского языка, переводчику приходится прибегать к описательному переводу, а затем пытаться компенсировать потерю метафорической образности путем введения в текст ПЯ дополнительных образов, усиливающих экспрессию.

Подуровни трансформаций

Термин "трансформация" используется в переводоведении в метафорическом смысле. На самом деле речь идет об отношении между исходными и конечными языковыми выражениями, о замене в процессе перевода одной формы выражения другой, замене, которую мы образно

называем превращением или трансформацией. Таким образом, описываемые ниже операции (переводческие трансформации) являются по существу межъязыковыми операциями "перевыражения" смысла.

Для компонентного подуровня характерны трансформации типа грамматических, при которых преобразуется формальная структура высказывания и остается неизменным конституирующий его смысл набор сем. Основной причиной такого рода трансформаций является неизоморфность структур исходного языка и языка перевода, находящая свое проявление в наличии в одном из этих языков форм и конструкций, отсутствующих в другом.

Возьмем один пример. Если мы спроецируем охватываемое безэквивалентными формами (например, русскими деепричастиями, функциональный и семантический спектр которых весьма широк) семантическое пространство на структуру английского языка, то получим весьма пестрый набор соответствий. Именно этим, в частности, объясняется отсутствие взаимоднозначных отношений между деепричастием и формами английского языка. Так, деепричастие несов. вида может выражать не только действие, одновременное с главным. Как отмечал В.В. Виноградов, "сама по себе форма деепричастия на *-а*, *-л* от основ несовершенного вида в сущности не имеет своего времени, т.е. морфологически не выражает временных оттенков", и в предложении вневременность этой формы может пониматься не только как одновременность с главным действием, но и как побочное действие, всегда сопутствующее основному, хотя бы в порядке предшествования [Виноградов, 1947, 385]. Деепричастие несов. вида, выражающее одновременность, часто (но, разумеется, далеко не всегда) передается английским причастием I: *Живя в деревне, мы не очень часто развлекались* — *Living in the country, we had few amusements*.

Однако в других контекстах английское причастие I означает предшествующее действие и передается деепричастием сов. вида: *Putting down my newspaper, I walked over to the window and looked out* (Swan)— "Положив на

место газету, я подошел к окну и выглянул на улицу".

В тех случаях, когда деепричастие несов. вида означает действие, регулярно предшествующее главному, в качестве его соответствия может выступать герундий с предлогами *after* и *on*: Раза два в год бывал в Москве и, возвращаясь оттуда, шумно рассказывал сказки о том, как преуспевают столичные промышленники (Горький) — *He would visit Moscow once or twice every year and after returning home loudly tell fancy stories about the way industrialists prospered in the capital*; Вставая на рассвете, она спускалась на кухню... (Он же) — *On getting up at the daybreak, she would come into the kitchen*.

Вместе с тем и причастие сов. вида не обязательно выражает предшествование. По наблюдениям В.В. Виноградова, при наличии благоприятных семантических условий результативное значение этой формы может превратиться в значение состояния, возникшего как результат осуществленного действия и в то же время сопровождающего другое действие (глагол-сказуемое) как обстоятельство способа или образа этого действия [Виноградов, 1947, 389]. В английском языке аналогичную функцию может выполнять абсолютная конструкция: Несколько раненых офицеров сидели на лавке, подобрав костыли, — бледные, грустные (Лермонтов) — *Several wounded officers — pale, sad-looking men- sat on the bench, their crutches in front of them*.

Иногда в сходной функции используется синонимичная абсолютной конструкции конструкция с предлогом *with*: На пороге кухни... неловко запрокинув голову, лежала Прокофьева жена (Шолохов) — *At the kitchen door... lay Prokofy's wife, with her head awkwardly tossed back*.

Наконец, в других случаях, когда деепричастия и сов. и несов. вида означают сопутствующий признак (звук, жест и т.п.), в переводе используется имя действия с предлогом *with*: — Я плохо тебя понимаю, — сказал Павел, пожав плечами (Горький) — *"I don't follow you", said Pavel with a shrug*; Монета взвилась и упала, звеня (Лермонтов) — *The coin rose into the air and*

came down with a clink.

Описанные выше преобразования влекут за собой как замену морфологических форм (деепричастия причастием I, герундием, отглагольным именем), так и перестройку синтаксической конструкции (трансформацию деепричастной конструкции в причастную, герундиальную с предлогом, абсолютную, предложно-именную).

Отсутствуют эквиваленты в русском языке и у английских каузативных конструкций типа VNVing. Их перевод влечет за собой иногда реструктурирование всего высказывания: Los was for rising to interfere, but a sibgle push from Osborne's finger sent him puffing back into his seat again— "Джоз хотел было встать и вмешаться, но достаточно было Осборну толкнуть его одним пальцем, как он снова, пыхтя, повалился на свое место".

В свое время В. В. Виноградов отмечал широкий диапазон значений, передаваемых глагольными префиксами в русском языке [Виноградов, 1947, 530]. Однако ничего подобного широко разветвленной системе русских приставочных глаголов с их богатым репертуаром временных, видовых и количественных значений в английском языке, разумеется, нет. Ср., например: ...жила, долго жила, наконец зажила. (Достоевский)—She had lived to a great age till, at least, she had outlived her time; — Жаль! Почему же? — спросил генерал с любезным смехом и не без самолюбования отпил шампанского (Он же) — 'A pity! Why?' asked the general with a polite laugh, taking a sip of champagne, not without a touch of self-satisfaction. В первом примере английский глагол outlive 'пережить', также относящийся к категории префиксальных, сам по себе не передает значения рус. *зажить* (прожить больше обычного, слишком долго). Для раскрытия этого смысла переводчик применяет развертывание: вместо глагольной формы в переводе используется словосочетание outlive one's time, построенное по продуктивной модели (ср. outlive one's friends, one's contemporaries, one's century, one's usefulness). В следующем примере значение приставочного глагола *отпить* 'выпить немного, часть чего-н.' передается образованным по продуктивной модели

словосочетанием *take a sip*, где основную смысловую нагрузку несет существительное *sip* 'небольшой глоток'.

О широте диапазона смысловых связей приставочных глаголов с их семантическими аналогами в английском языке можно судить и по переводам с английского языка на русский, где эти глаголы используются для выражения смыслов, передаваемых в оригинале свободными словосочетаниями различных типов, фразовыми глаголами и фразеологическими единицами: 'Hello, Clyde! Hope to see you soon again. Don't stay too long down there' (Dreiser) - "Хэлло, Клайд! Мы еще увидимся. Смотрите, не засиживайтесь там!"; *She managed rather too well* (Thackeray) — "Она, пожалуй, перестаралась"; *Many a sinner has played himself into heaven on the trombone, thanks to the army* (Show) — "В армии спасения не один грешник доигрался на тромбоне до царства небесного"; *...And she popped the note into fire and began to sing away again more merrily than ever* (Thackeray) — "..Она швырнула записочку в огонь и начала распевать еще веселее"; "He will sow his wild oats", *she would say* (Idem) — "—Со временем он перебесится, — говорила она".

Показательно, что в оригинальных английских текстах значения, выражаемые в русских переводах приставочными глаголами, передаются следующим образом: 1) значение превышения предела (*засиживаться, перестараться*) — с помощью свободных словосочетаний (*stay too long, manage too well*); 2) значение результативности (*доиграться до царства небесного*) — с помощью словосочетания, образованного по продуктивной модели VN into N (*play himself into heaven*); 3) значение непрерывности действия (*распевать*) — с помощью фразового глагола *sing away*; 4) значение идиома *перебеситься* 'успокоиться, стать степенным после разгульной жизни' — с помощью фразеологической единицы *sow one's wild oats*.

Причиной переводческих трансформаций могут быть также расхождения в словообразовательных моделях языков и в их реализации. Порой речь идет о безэквивалентных структурах типа форм, образованных в английском языке путем конверсии. Ср., например: *Whenever he met a great*

man, he grovelled before him and my-lorded him as only a free-born Briton can do (Thackeray) — "Где бы он ни встречал вельможу, он раболепствовал перед ним и величал его милордом с таким пылом, на какой способен только свободнорожденный бритт"; A heavy-set young fellow had dragged the salt-celled man out through the crowd (Hemingway) — "Широкоплечий детина выволок зашибленного солонкой"; Don't try to strong-arm it away from me (Shaw) — "Не вздумайте отнимать их силой".

Во всех этих случаях слово, образованное путем конверсии, преобразуется в словосочетание. При этом семы, образующие смысловую структуру слова, перераспределяются среди компонентов словосочетания: my-lord 'величать милордом', salt-cellar 'зашибить солонкой', strong-arm away 'отнять силой'.

В других случаях служащие причиной трансформаций словообразовательные различия сводятся к расхождениям в дистрибуции 'Налогичных словообразовательных средств. Так, в английском языке чмечается большая свобода сочетаемости именных аффиксов (например, аффиксов лица) с основами. Ср. следующий пример деривации ^ словосочетания из "Ярмарки тщеславия": Even with the most elfish disposition, the Vanity-fairian can't but feel some sympathies and regret... (Thackeray) — "Чье сердце, будь это даже самый черствый из посетителей Ярмарки Тщеславия, не забьется участием или сожалением".

Одной из основных побудительных причин переводческих трансформаций являются расхождения в наборе языковых средств выражения коммуникативной структуры высказывания ("актуального членения предложения"). Репертуар такого рода трансформаций весьма широк. Но среди трансформаций, применяемых на подуровне компонентной эквивалентности, т.е. тех, которые затрагивают лишь формальную, но не семантическую структуру высказывания, ведущее место занимает пассивизация. Ср. следующие примеры: *Заметное раздражение в империалистических кругах вызвало предложение СССР обсудить, но только*

на равной основе, вопрос о дальнейших плаваниях и постоянном пребывании военно-морских флотов вдали от своих берегов — Obvious exasperation was caused in the imperialist circles by the USSR proposal to discuss — of course, on equal terms — further cruises and long-term naval presence far away from home; *Надежду на дальнейшее наращивание вооружений выразил уходящий на покой генеральный секретарь НАТО...* — A hope of further arms build-up was voiced by... the retiring NATO Secretary General.

Сходные трансформации происходят и в тех случаях, когда в русском языке используются неопределенно-личные формы глагола с косвенным дополнением в начальной позиции: *Американцам внушают что система СОИ позволит избавиться от ядерного оружия* — Americans have been led to believe that the SDI system would make it possible to get rid of nuclear arms.

Как в английском, так и в русском языке для темы характерна начальная позиция в предложении. Однако тема и рема, как известно далеко не всегда совпадают с грамматическими подлежащим и сказуемым. Особенно часто это имеет место в русском языке, где при инвертированном порядке слов любой второстепенный член может быть выдвинут в начальное положение, если по замыслу говорящей он должен стать исходным пунктом сообщения, т.е. темой. В английском же языке, где порядок слов в предложении связан более жестким! ограничениями, значительно чаще возникает необходимость в использовании синтаксических конструкций, в которых тема является подлежащим.

Существенную роль среди причин трансформаций играют стилистические мотивы. Так, например, отражение в переводе значений передаваемых в оригинале аффиксами, иногда оказывается в первую очередь связанным с экспрессивно-стилистическими факторами: — Как И ты тут князь? Все в штиблетишках, э-эх! (Достоевский) — 'Goo Lord, you're here too, Prince? Still in your silly gaiters? Ugh' Здесь прилагательное silly с его смысловыми компонентами 'нелепый', 'жалкий', 'ничтожный' хорошо передает уничижительную коннотацию русского суффикса. Так экспрессивный эффект,

создаваемый в оригинале с помощью морфологического средства, достигается в перевод с помощью лексического средства.

Поиски экспрессивного эквивалента нередко приводят к трансформациям, в которых экспрессивно окрашенная лексика приравнивается к экспрессивно окрашенной фразеологии: Colonel Heavytop took off three bottles of that you sent me down under his belt (Thackeray) — "Полковник Хевитоп вылакал три бутылки из тех, что Зы1 послали мне прошлый раз"; Then the report would come -- the new governess is a rare manager. Sir Pitt be very sweet on her (Idem) — "Затем поступило донесение: Новая гувернантка на редкость дотошная особа. Сэр Питт в ней души не чает".

В первом примере отрицательная коннотация объединяет фразеологизмы *take off under one's belt* и глагол *вылакать*, сопровождаемый в "Толковом словаре русского языка" под ред. Д.Н. Ушакова пометой презрит. Во втором — фразеологизм *души не чаять* передает одновременно и экспрессивную, и функционально-стилистическую (разговорную) коннотацию прилагательного *sweet* (в выражении *to be sweet on smb.*).

В этом весьма разнообразном репертуаре преобразований выделяются следующие категории: замена одних морфологических средств другими, замена морфологических средств синтаксическими, замена одних синтаксических средств другими и, наконец, замена морфологических и синтаксических средств лексическими и фразеологическими.

Некоторые операции ограничены одним уровнем языковой структуры. Сюда относятся, в частности, такие соответствия, как *живя в деревне...* - *living in the country...*, *вставая на рассвете...* — *on getting up at daybreak...* Подобные трансформации можно назвать одноуровневыми. В других случаях переводческая операция выходит за пределы исходного уровня. Так, для передачи смысла образованного Тэккереем сложного слова *Vanity-fairian* потребовалось словосочетание *посетитель ярмарки тщеславия*, для передачи морфологически выраженной коннотации слова *штиблетишки* потребовалось лексическое средство - *silly gaiters*, фразеологизм *take off under one's belt* был

передан приставочным глаголом вылакать. Эту группу трансформаций следует отнести к межуровневым.

Характеризуя денотативный аспект языковых значений, связанный с отношением единиц системы языка к внешнему миру, А.В. Бондарко справедливо отмечает, что "с каждой формой связана особая семантическая интерпретация (способ представления) мыслительного содержания". Вопрос о различных способах семантической интерпретации внеязыкового содержания ставился еще в трудах В. Гумбольдта и А.А. Потебни в связи с внутренней формой слова, т.е. с признаком, лежащим в основе номинации. А.В. Бондарко включает в понятие семантической интерпретации мыслительного содержания следующие аспекты: 3) избирательность по отношению к явлениям внеязыкового мира, отражаемым в сознании людей; 2) модификации понятийной основы содержания в исторически сложившихся значениях языковых единиц; 3) сочетания денотативных и коннотативных элементов значений; 4) различие дискретного и недискретного представления мыслительного содержания; 5) сочетание эксплицитных и имплицитных содержательных элементов; 6) конкретно-языковые проявления семантической категоризации (вариативности),

Указанные аспекты языковой семантической интерпретации мыслительного содержания рассматриваются А.В. Бондарко в связи с анализом семантики предела на материале русского языка. Однако думается, что предлагаемые им принципы семантического анализа внутрисистемных отношений, основанного на сопоставлении форм одного и того же языка, во многом применимы к изучению межсистемных отношений и к проявлениям этих отношений в процессе перевода. Так, например, основной причиной трансформаций на референциальном подуровне семантической эквивалентности, т.е. трансформаций, влекущих за собой известные модификации семантической структуры высказывания, является то, что А.В. Бондарко характеризует как избирательность языка по отношению к явлениям внеязыкового мира.

Сказанное относится, разумеется, не только к лексическим системам двух языков, но и к их грамматическим системам, также отражающим выделение различных признаков и различное членение внеязыковой действительности. В различиях исторически сложившихся грамматических значений находят свое проявление те модификации понятийной основы содержания, которые являются одним аспектом семантической интерпретации внеязыковой действительности. В качестве примера можно привести видовые формы английского и русского языков — оппозицию форм длительного и недлительного вида, основанную на характеристике действия в его течении и развитии или в отвлечении от этого признака [Смирницкий, 1959, 322] и оппозицию форм сов. и несов. вида, основанную на наличии или отсутствии такого признака, как достижение предела действия, устранение представления о его длительности [Виноградов, 1947, 497]. Несводимость этих двух различных способов членения действительности друг к другу требует в отдельных случаях использования лексических компенсирующих средств при переводе текстов, в которых видовые формы одного из языков противопоставляются друг другу. Вспомним известный пример, приводимый Джс. Кэтфордом: Что же делал Бельтов в продолжение этих десяти лет? Все или почти все. Что он сделал? Ничего или почти ничего (Uthwty) — What did Beltov do during these ten years? Everything, or almost everything. What did he achieve? Nothing, or almost nothing [Catford, 1965, 75].

Как отмечалось выше, избирательность языков в отношении признаков, извлекаемых из внеязыкового мира, находит свое воплощение во внутренней форме слов. Так, растение, которое по-английски называется tumbleweed (т.е. 'падающая или опрокидывающаяся трава'). По-русски называется *перекати-поле*, бабочка leopard moth — *древесница*, цветок snowdrop — *подснежник*. Ср. также внутреннюю форму следующих русских слов и их английских эквивалентов: *подсвечник* - candlestick, *охотничья собака* — gun dog, *собака-поводырь* - seeing-eye dog, дикое яблоко — crab-apple. Яркие расхождения обнаруживаются и во внутренней форме, основанной на

вторичной номинации. Так, рисунок на ткани, который по-русски называется елочкой, по-английски называется herring-bone (pattern): *Он носит зеленый пиджак в елочку* — He wears a green herring-bone jacket. *Яичнице-глазунье* в американском варианте английского языка соответствует eggs sunny side up. Немало расхождений во внутренней форме, основанных на вторичной номинации, наблюдается в технической терминологии. Ср. *нажимной стакан* — pressure sleeve, *зажимная губка* — gripping jaw, *кабельная жила* — cable core, *палец прицепного шатуна* — wrist pin, *щека блока* — pulley face, *стыковка (космических кораблей)* — docking.

Избирательность по отношению к признакам явлений внешнего мира сказывается не только на внутренней форме слов, но и на способах семантической интерпретации действительности в рамках высказывания: Pressure from without needs to be redoubled in the coming weeks against that sinister prospect as well — *В течение ближайших недель необходимо усилить нажим извне, чтобы сорвать и эти зловещие планы*. Здесь ситуация в переводе отражается с помощью близких, логически связанных, но не всегда идентичных признаков (вместо prospect 'перспектива' - *планы*, вместо pressure against prospects — *нажим... чтобы сорвать эти планы*).

В некоторых случаях речь идет о семантических сдвигах, определяемых данным конкретным контекстом. Иногда же в основе семантических трансформаций лежат специфичные для данных языков, регулярно в них используемые способы представления мыслительного удержания. Так, например, в английском языке формы длительного вида глагола be используются для обозначений действий и поведения, а не внутреннего состояния и та чувств. Этим объясняется то, что в английском языке вполне приемлемы такие фразы, как I'm being careful — Я веду себя скромно; You're being annoying — Вы меня раздражаете, но не I'm being happy или *She's being tired [Swan, 1984, 96].

Семантические трансформации на референциальном подуровне нередко восходят к расхождениям в структуре семантических полей. Так, в

семантическом поле родства в русском языке в основу группировки понятий положены следующие признаки а) пол (сын, дочь, брат, сестра и т.д.), б) родство по восходящей линии (отец, мать, дед, бабушка и т.д.), в) родство по нисходящей линии (сын, дочь, внук, внучка), г) родство по боковой линии (брат, сестра) и др. Эти же признаки образуют структуру соответствующего семантического поля в английском языке. Однако различие между ними сводится к степени дифференциации. И в том и в другом поле присутствует признак «родство по браку». Однако в русском языке этот признак в свою очередь дифференцируется по следующим направлениям; а) по линии жены и по линии мужа (отец жены — тесть, мать жены — теща, отец мужа — свекор, мать жены — свекровь), б) по линии сына или замужней дочери, в) для отца или для матери мужа (сноха — жена сына для его отца, невестка -жена сына для его матери, зять — муж дочери). В английском языке эти дополнительные дифференциальные признаки нейтрализуются. Поэтому англ. *father-in-law* — это и 'тесть', и 'свекор', *mother-in-law* — и 'теща', и 'свекровь', *daughter-in-law* — и 'сноха', и 'невестка'.

Отсюда возникает необходимость в генерализации при переводе на английский язык и в конкретизации при переводе на русский: Зятек тестюшку ублажает (Даль) — *The son-in-law tries to please his father-in-law*; *My mother-in-law is a domineering person* — Моя свекровь — властный человек.

Подобно тому как грамматические лакуны часто влекут за собой структурные трансформации при переводе, лексические лакуны вызывают необходимость в лексико-семантических трансформациях. Рассмотрим следующие примеры: Дома все состоит в моей воле, только отец, по обыкновению, дурачится. Но ведь это совершенный безобразник сделался (Достоевский) — *At home what I say is law. Only father is playing the fool as usual, but then he's been behaving utterly disgracefully for some time...* Ср. другой перевод: *Father's making quite a fool of himself as usual, and has become quite a reprobate.*

Заключение

Переводимость трактуется в настоящей работе не как абсолютное, а как относительное понятие. Различается переводимость элементов текста, с одной стороны, и переводимость текста в целом — с другой, частичная и полная переводимость. Подобно полной эквивалентности, полная переводимость исходит из известной идеализации переводческой практики.

Частичные жертвы, приносимые во имя достижения главной коммуникативной цели, часто влекут за собой перевод на уровне частичной эквивалентности при адекватности переводческого решения в целом. При этом принципиальная переводимость, допускающая частичные потери, исходит из того, что эти потери касаются второстепенных, менее существенных элементов текста.

В процессе перевода языковые значения фигурируют как переменные величины. Инвариантным остается формируемый контекстом и ситуацией общения смысл. Именно речевой контекст и ситуация общения дают возможность нейтрализовать различия между нетождественными значениями, или, иными словами, использовать разные значения для передачи одного и того же смысла.

Для компонентного подуровня семантической эквивалентности характерны структурные трансформации, при которых преобразуется формальная структура высказывания, тогда как конституирующий смысл набор сем остается неизменным. Основной причиной этой трансформации является неизоморфность структур исходного языка и языка перевода.

Среди них выделяются следующие типы преобразований: замена одних морфологических средств другими, замена морфологических средств синтаксическими, замена одних синтаксических средств другими и, наконец, замена грамматических средств лексико-фразеологическими.

Среди побудительных причин трансформаций на референциальном подуровне выделяются избирательность языка по отношению к признакам внеязыковой действительности, расхождения в структуре семантических полей,

расхождения в способах семантической интерпретации предметной ситуации, в способах выражения коммуникативной структуры высказывания, стилистические факторы. Основные типы трансформаций: гиперонимическая, гипонимическая, интергипонимическая, синекдохическая, метонимическая, метафорическая и различные комбинации этих типов.

Прагматические факторы, влияющие на процесс перевода, сводятся к следующим: коммуникативная интенция отправителя, установка на получателя, коммуникативная установка переводчика. Трансформации, специфичные для прагматического уровня, характеризуются заменой реалий или аллюзий их аналогами; уточняющим добавлением; поясняющим (интерпретирующим) переводом, раскрывающим неясные получателю пресуппозиции и импликации; различными видами переводческих компенсаций; заменой одних стилистических средств другими.

Среди мотивов трансформаций существенную роль играют различия в соотношении книжно-письменных и нейтральных элементов подобных текстов, различия в их тональности, в частотности внешне сходных языковых средств, в степени сжатости текста. Характерными для этой области трансформациями являются стилистические модификации, в результате которых преобразуется стилистическая окраска текста, а также различные приемы компрессии (опущение избыточных элементов, свертывание, стяжение, эллипсис) или расширение текста.

Литература

1. Ф. С. Фицджеральд. Великий Гэтсби. Последний магнат. Рассказы. М.: “Художественная литература”, 1990.
2. Кузнец М. Д., Скребнев Ю. М. Стилистика английского языка. Л., 1960.
3. Складчикова Н. В. Семантическое содержание метафоры и виды его компенсации при переводе.// Номинация и контекст. Сб. научных трудов. Кемерово, 1985.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
5. Рушаков В.А. Основания лингвистического перевода и проблемы сопоставления. Санкт-Петербург: СПбГИЭА, 1996.
6. Сазонов М.Г. Международные культурные связи. Справочник. Москва: Высшая школа, 1994.
7. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. Москва: Высшая школа, 1983.
8. Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. Москва: Высшая школа, 1985.
9. Чужакин А., Палаченко П. Мир перевода. Москва: Валент, 1997.